

25 сентября 1976 года

ЧТО ИСПЫТЫВАЕТ человек, приезжая в город, где он учился несколько лет назад, где живут его старшие товарищи, учителя, друзья?.. Алексей Басов и Лидия Бахарева, артисты Волгоградского театра юного зрителя, приехали в Ярославль на гастроли. И хотя они плотно заняты в репертуаре своего театра, захотели заглянуть не только в свое театральное училище, которое не так давно закончили, но прежде всего навестить самый любимый дом в Ярославле, дом своего учителя, народного артиста РСФСР Сергея Дмитриевича Ромоданова, где провели они так много счастливых часов.

Они поднялись на третий этаж дома на Первомайском бульваре, и знакомая уютная гостиная встретила их, широкий удобный письменный стол, множество книг, волжские пейзажи — их любовно писал сам Сергей Дмитриевич... Кисти, краски, молоточки, отвертки, инструменты — каждая вещь рассказывала об Учителе, и Алеша Басов вспомнил, как, выпуская дипломный спектакль по пьесе А. М. Горького «Последние» на их курсе, Сергей Дмитриевич оставался с ними в училище до позднего часа, как выкраивал необходимые минутки, чтобы вместе (обязательно вместе!) обсудить замысел оформления, как все декорации делал вместе с учениками, строгал, пилил, приколачивал, увлекая и заражая их этим неожиданным, казалось бы, азартом.

Наверное, каждому из нас в жизни необходим такой вот час — священный час ученичества, мысленный разговор, общение с другом и наставником, навсегда ушедшим; час, когда вдруг постигаешь, кому ты обязан в жизни своей не только дипломом с кратким обозначением профессии, но и всем складом и ладом характера, внутреннего облика.

Подлинные, настоящие художники всегда современны, это их истинное начало, обостренное чувство ответственности за тех, кто живет рядом. Когда задумывались над особенностями дарования Ромоданова, говорили о его небывалом природном темпераменте, о завидных внешних данных. Но у Ромоданова можно было учиться не только искусству сценического стиля, перевоплощения, но и другому, не менее важному. Он мог помочь снять «эжым», то есть освободить от скованности, обрести подвижность и ловкость, но думалось, что он хотел прежде всего помочь ученику расковать душу, дать разгореть-

ЖИВОЕ ГОРЕНИЕ

Творческая школа народного артиста РСФСР С. Д. Ромоданова

ся искорке человеческого тепла, участия. Мало просто любить искусство, говорил Ромоданов своим ученикам. Мало быть даже одаренным, умным, честным. Необходимо постоянно ощущать в себе некое беспокойство сердца — своего рода «живое горение», не о нем ли сказал поэт: «душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь...»

Продолжая свой мысленный разговор с Учителем, его ученики — в Волжском театре его учениками считали себя не только Наталья и Валерий Сергеевы, непосредственно занимавшиеся под руководством Сергея Дмитриевича, но и питомцы давней студии при театре, и молодые актеры, которым посчастливилось работать с ним на одной сцене, — его ученики пытаются понять его искусство, неразрывно связанное с человеческим обликом Ромоданова, с его личностью. И в осмыслении этого искусства приходит на помощь не только запомнившееся общение «по расписанию», от звонка до звонка, но прежде всего иное, вне всякого расписания. Многие секреты творчества открывались будущим и нынешним актерам благодаря тому, что они видели Ромоданова и на сцене, и в жизни.

В СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ромоданов выражал Время, себя в этом Времени, героя в нем. Он выражал Время в форме героической, он рассказывал нам о нас, будущих, он как бы рисовал нас — в завтрашнем дне. И тогда, когда играл в середине сороковых молодого талантливого генерала Огнева в спектакле «Фронт», и тогда, когда наделял огромной силой духа горьковских персонажей.

Его Сатин — в живописных лохмотьях, со спутанными волосами был внешне традиционен. Он был груб, и правда его тоже была груба и открыта. Но он был еще и мечтателем, защищавшим и открывавшим Человека. Твердый, уверенный шаг, высокая, мужественная фигура, крепкое рукопожатие. Он нес живость в своем облике — в манере говорить, во всей своей внешности. Выходя на сцену, его герои выходили в самую жизнь.

Его генерал Панфилов был продолжением «военной» ромодановской темы. В годы войны Ромоданов сыграл капитана Сафонова в «Русских людях» Симонова и Сергея Луконина в «Парне из нашего города», Огнева в спектакле «Фронт». И Панфилов был воплощением «народной совести, той справедливости, которая в трудные минуты светит людям «вдаль и вглубь — до дна», оставляя в сердцах немеркнущий след.

Герои Ромоданова всегда были в самом пекле боя. Это были его ровесники, ровесники революции, рядовые поколения, которое он с гордостью считал своим. Недаром в сорок первом, когда враг подходил к Москве, Ромоданов подал заявление с просьбой принять его кандидатом в члены партии.

Кандидатский стаж Сергей Дмитриевич прошел во фронтовой актерской бригаде. Есть фотографии: Алексей Толстой, незадолго до войны, в гостях у волковцев, рядом с Ромодановым, исполнителем роли Петра. Еще одно фото — фронтовая актерская бригада — в гимнастерках, в пилотках. В центре — Сергей Ромоданов.

Жизнелюбие невозможно, пожалуй, без юмора, без хорошей шутки. «Пусть этот грозный царь, — написал он однажды на фотографии, изображавшей его в роли Ивана Грозного, — напоминает тебе совсем не грозного Ромоданова...» Он сыграл на своем веку Петра Первого, Ивана Грозного, Бориса Годунова, ну, а остальные монархи, как метко заметил один из его друзей, не заслуживали его внимания.

Когда ученики видели его на сцене, им казалось, что он полностью забывает себя, а он говорил — не забывать, но владеть собой; волноваться, но слышать, как звучит твое слово; забывать, что перед тобой зрители и страстно любить то, что ты делаешь...

Возвращаясь в Ярославль из дальней поездки, он спешил к своему театру как к старому, доброму другу, ревниво и придирчиво оглядывал его, заходил в свою гримировочную — нет, вроде бы ничего не переменялось, вот только Время бежит... И театр, встречаясь с ним, по-особому, кажется, гордился: Ромоданов был предан волковской сцене и Ярославлю. Сколько предложений, одно заманчивее другого, выслушал он — и после того, как сыграл Петра, и после фильмов «Дело Артамоновых» и «Испытание верности», и после Егора Булычова. Его звали в столицу, звали в Ленинград. Он остался верен своему городу и своему театру. И эту верность завещал своим ученикам.

М. ВАНЯШОВА,
кандидат филологических наук.